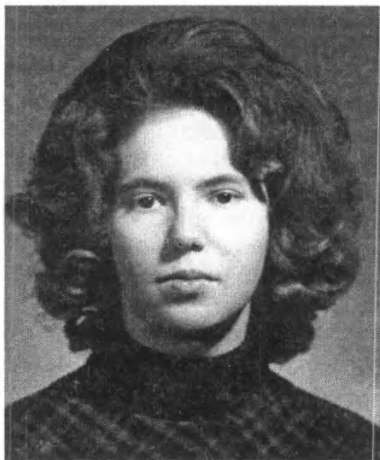

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ВЫПУСКНИКОВ

В.А. МАЗУР

Валерия Анатольевна Мазур — выпускница философского факультета Уральского университета (1973). Заведующая музеем истории УрГУ. Соавтор книг «История России. XX век», «Хрестоматия по истории Урала. XX век», «Рождение Уральского университета» и др. Сфера научных интересов — история российской интеллигенции.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ХИЛКОВА

В июне 1941 г. Уральский университет блестяще закончил студент физико-математического факультета Михаил Борисович Хилков. Среди его однокурсников ходили смутные слухи о том, что новоиспеченный астрофизик принадлежит к старинному княжескому роду, но толком никто его родословной не знал, да особо и не интересовался ею.

Михаил Борисович прожил негромкую, очень честную жизнь. В роли сына, брата, отца, сельского школьного учителя на Дальнем Востоке, начальника строительства на суровом Северном Урале или преподавателя вуза в индустриальном Свердловске — везде он был человеком долга. В формировании такой личности важное значение имели семейные предания, и в частности рассказы о дедушке, русском дворянине Дмитрие Александровиче Хилкове, человеке удивительной судьбы. О перипетиях этой судьбы мы и хотели вам поведать. Эта статья написана благодаря любезному содействию правнука Дмитрия Александровича Хилкова — инженера-металлурга Бориса Михайловича Хилкова, бережно хранящего архив семейства Хилковых.

Вступление

В теплый майский день 1890 г. к дверям старого помещичьего дома, что в селце Пирогово, подошел высокий загорелый человек лет

© В. А. Мазур, 2000

тридцати. Его большие голубые глаза смотрели внимательно и грустно, ветерок трепал русые, слегка вьющиеся волосы. Одет он был самым непритязательным образом: сермяжная поддевка, простая фуражка, лапти и онучи. Посетитель хотел видеть Льва Николаевича Толстого. Писатель отдыхал, и прислуга велела мужику ждать барина у кухни.

Что-то потянуло к этому статному человеку восемнадцатилетних племянниц Льва Николаевича, гулявших рядом в саду. Одна из барышень, Мария Сергеевна Бибикова, вспоминает: «При первых же словах мы поняли, что имеем дело с интеллигентным человеком, и пригласили его в столовую. Когда вошла моя мать, он встал; и в его поклоне, в извинении за пыльную одежду, в улыбке, с которой он указал на свою обувь, а главное, в манере, совсем не подходящей к его костюму, с которой он подал маме стул, было столько природной элегантности, что мама сразу почувствовала, что перед ней вполне светский человек в несоответствующей ему одежде. Минут через пять вошел Лев Николаевич. При виде гостя он радостно вскрикнул».¹

Необычным гостем оказался князь Дмитрий Александрович Хилков, о котором так много говорили в конце 80-х гг. в светских гостиных, осуждая, жалея или восхищаясь им. Дмитрий Александрович был не просто одним из первых последователей Л.Н. Толстого, но, по словам писателя, человеком, понимающим его с полуслова, родственным по духу, личным другом².

Известно 36 писем Льва Николаевича, адресованных Хилкову, 30 упоминаний о нем в дневниках Толстого и переписке с другими лицами³. Чаще всего его имя сопровождается эпитетами *милый, прекрасный, теплый, радостный и страдающий* человек. Два последних определения не противоречили друг другу. Дмитрий Александрович всю жизнь мучился, наблюдая разлад между людьми, но на путях преодоления этого разлада шел всегда до конца, не изменяя самому себе. Уже на исходе жизни, в 1912 г., князь Хилков писал: «Я с удовольствием вспоминаю время, когда был пономарем в церкви и не пропускал ни одной службы. Я с удовольствием вспоминаю время, когда был военным, толстовцем, революционером. Я никак не могу признать, что с внутренней, духовной стороны военщина выше пономарства, толстовство выше военщины, революционность выше толстовства и т.п. Все это — внешнее выражение (очень неясное, смутное и противоречивое) чего-то единого, единственно важного и значительного, того, с чем в конечном подсчете я и останусь. И если я подумаю о будущем, то не вижу никакого противоречия с прошлым, если бы мне довелось кончить жизнь свою в православном монастыре или в сражении на войне. Я этим хочу сказать, что какое бы тут ни замечалось внешнее противоречие, я не чувствую внутреннего противоречия. Я надеюсь, Вы согласитесь, что для каждого человека вся суть именно только в присутствии и отсутствии этого противоречия с самим собой»⁴.

Военный

Военной службе была посвящена молодость. Девять лет, превративших

обаятельного выпускника Пажеского корпуса, отдающего дань всем развле-

чениям светской жизни (хотя и чувствующего в глубине души несовместимость ее с заповедями Христа) в командира казачьей сотни Кубанского полка. Командира, награжденного за отличное проведение разведывательных операций в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказе орденами Св. Анны II и IV степеней, Св. Владимира IV степени; начальника, которого боготворили подчиненные, видевшие в нем своего заступника; верующего человека, мучившегося пониманием бессмысленности и греховности воинской службы. В кошмарных снах являлся ему убитый им турецкий солдат. Корыстолюбие и карьеризм начальства, мародерство нижних чинов, беззащитность местного населения перед произволом администрации обескураживали. Попытки добиться соблюдения законов Российской империи приве-

ли к тому, что Хилков приобрел кличку «социалист» и попал под надзор полиции. Зато среди туземцев (турок и курдов), которых Дмитрий Александрович не раз спасал от поборов, упорно ходили слухи, что великодушный полковник Хилков — вовсе не русский и не православный, а осетин и тайный мусульманин.

Скоро сам Дмитрий Александрович убедился: к евангельским идеалам гораздо ближе не ортодоксальные православные, а сектанты-духоборы, поразившие Хилкова своей красотой, отсутствием забитости и подобострастия.

Духоборы провозглашали своим идеалом любовь, а основным источником зла считали частную собственность на землю⁵. С этих пор поиски философии и организации братства составили содержание всей жизни князя Хилкова.

Толстовец

В 1884 г. полковник Хилков выходит в отставку и поселяется в имении своей матери селе Павловки Сумского уезда Харьковской губернии. Пытается наладить добрые отношения с бывшими крепостными крестьянами. Подобно герою романа «Анна Каренина» Левину (alter ego Льва Николаевича Толстого), Дмитрий Александрович терзается сомнениями по поводу правомерности частной собственности на землю. Его мучает неискренность крестьян — почти неизбежный спутник в отношениях между властью и имущим и зависимым человеком.

Каждый день, проведенный в Павловках, давал ему подтверждение горького наблюдения Л.Н. Толстого: «Всякая радость моя, всякая минута спокойствия... покупается лишениями и страданиями тысяч,

удерживаемых насилием»⁶. То это голодные крестьянские дети, жадно глядящие на недоступные для них яблоки, зреющие в барском саду, который, между прочим, посадили их деды; то беременная крестьянка, чувствующая себя преступницей только потому, что собирает валежник в княжеском лесу.

Выход был найден самый радикальный. Дмитрий Александрович отказался наслаждаться тем, что недоступно для других. В 1885 г. князь Хилков продает свою землю окрестным крестьянам по цене 25 рублей за десятину (обычная цена составляла 400 рублей), а сам осваивает искусство земледелия и решительно порывает с паразитическим образом жизни.

Теоретическое обоснование избранного пути он находит в книге

Л.Н. Толстого «В чем моя вера?». Этот трактат стал для него откровением. Дмитрий Александрович писал: «Единственный темный для меня пункт в Евангелии стал ясен. Я говорю о непротиивлении насилем злему. Все Евангелие стало стройным учением, и я принял его»⁷.

Какую бы сложную эволюцию ни претерпевало потом мировоззрение Дмитрия Александровича, толстовскому завету — «Высшее уважение заслуживает не тот, кто отнимает или удерживает свое от других или кому служат другие, а тот, кто больше отдает и больше служит другим»⁸ — он останется верен всю жизнь.

Пример Хилкова оказался заразительным. По пути, указанному Л.Н. Толстым, пошли двоюродный брат Дмитрия Александровича Николай Федорович Джунковский (с ним Дмитрий Александрович даже пытался жить коммуной) и князь Георгий Александрович Дадиани, сослуживец Хилкова по Кавказу. К Хилкову тянулись люди, наиболее последовательно проводившие в жизнь толстовское учение, вроде юного сельского учителя Евдокима Никитича Дрожжина, позднее замученного в дисциплинарном батальоне, куда он попал за отказ от воинской обязанности. Они могли быть уверены, что князь всегда поможет и словом и делом.

«Опрошение» князя Хилкова не было маскарадом, как утверждали великосветские родственники Дмитрия Александровича. Хилков быстро стал своим человеком для крестьян. У них возникли общие интересы, они учились друг у друга. Могли часами говорить о новых агротехнических приемах, фруктовых садах и пчелах, жеребятках и телятах, их физических и «нравственных» качествах. Кроме того, вокруг Дмитрия Александровича начал собираться кружок таких же энергичных,

как князь, крестьян, которых не прельщала перспектива посвятить свою жизнь скопидомству или пьянству. В маленьком домике под соломенной крышей на хуторе Дмитриевском, который построил себе Хилков, ночи напролет проходили чтения и обсуждения философской и религиозной (в основном толстовской) литературы. Книги брали из библиотеки, которую открыл для окрестных крестьян Дмитрий Александрович.

Четкой программы у штундистов (так стали называть членов новоявленной секты)⁹ не было. В центре их внимания был, разумеется, аграрный вопрос: разделить землю, отобрать землю, земля Божья, земля ничья... Аргументы в пользу таких действий находились в Священном Писании.

Официальная церковь в лице местных священников, известных своим буйным и развратным поведением, была союзницей помещиков в деле обирания народа. Хилкову то и дело приходилось отправлять прошения архиерею о необходимости сбавить цены за проведение того или иного церковного обряда. Результат — ненависть духовенства.

Довольно быстро это чувство стали разделять также окрестные помещики и полиция. Дело в том, что крестьяне Харьковской и Курской губерний постоянно обращались к Дмитрию Александровичу с просьбами защитить их земельные права, нарушаемые крупными землевладельцами. Иной раз его будили среди ночи: нужно было срочно тушить очередной конфликт.

И хотя Дмитрий Александрович лишь предотвращал готовые вспыхнуть бунты, направляя недовольство крестьян в русло юридически оформленных процедур, среди представителей имущих классов он заработал репутацию подстрекателя.

Нельзя сказать, чтобы администрация и правоохранительные органы не обращали внимание на Хилкова и его сторонников. Поскольку в богословских диспутах с ними представители господствующей идеологии потерпели поражение, в ход были пущены силовые приемы. Хозяйства крестьян, поддерживающих Хилкова, постарались разорить, затем этих «опасных сектантов» понемногу стали выселять из Харьковской губернии. К Дмитрию Александровичу не раз засылали провокаторов. В марте 1890 г. ему предъявили обвинение в отпадении от православия. Этому предшествовала весьма любопытная беседа Хилкова с Харьковским губернатором Петровым.

Вот как рассказывает о ней сам Хилков: «Губернатор заявил: “Вы хотите устроить революцию, но не достигнете цели. За 20 лет я ручаюсь”. Я сказал, что революции устроить не хочу, а что вот начальство действительно систематически воспитывает в крестьянах те качества, которые ведут к резне, что он, вероятно, и сам это понимает, ибо ручается только за 20 лет спокойствия»¹⁰.

1 ноября 1891 г. обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев пишет Александру III: “Безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие. Самый разительный пример — князь Хилков, гвардейский офицер, который проповедует крестьянам толстовское евангелие, отрицание церкви и брака — на началах социализма... Зло это растет и распространяется уже до границ Курской губернии, в местности, где уже давно в народе замечен дух беспокойный: Вот уже скоро пять лет, как я пишу об этом губернатору и в министерство, но не могу дос-

тигнуть решительных мер, а между тем Хилков успел уже развратить около себя население села Павловки и соседних деревень. Он рассыляет вблизи и вдали листки-брошюры, которым крестьяне верят. Народ совсем отстал от церкви: в двух приходах церкви стоят пустые, и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям. В приходе 6000 душ, а в большие праздники, например в Пасху, в церкви было всего пять старух. Под влиянием Хилкова крестьяне для общественных должностей отказываются принимать присягу. Такое положение грозит большой опасностью... Я убедительно прошу министра о высылке Хилкова, который уже хвалится перед народом: “Ничего мне не делают, стало быть, я учу правильно”»¹¹.

Несмотря на то, что над головой Дмитрия Александровича явно собирались тучи, он оставлял у окружающих впечатление радостного и светлого человека, нашедшего свое место в жизни. На самом деле все было гораздо сложнее.

На протяжении десятилетия князя настолько мучили проблемы материального и духовного свойства, что он подумывал о самоубийстве. Первые сводились к невозможности материально обеспечить не только свою семью (а у него была уже жена и двое детей), но и оказывать серьезную помощь крестьянам, стать примерным хозяином. Вторые состояли в постоянном сомнении: насколько он близок к христианскому идеалу?

Не всегда Дмитрий Александрович был солидарен и со Львом Николаевичем. Хилкову не нравился сам термин «самосовершенствование». Чудилось здесь что-то рассудочно-эгоистическое. Похоже, что у них были разные приоритеты. Толстой считал, что акт благотворитель-

ности только тогда угоден Богу, когда в ходе его реализации увеличивается чувство любви как в благодетеле, так и в облагодетельствованном¹². «Материальное добро, которое я делаю людям, я делаю не для себя, не для них, чтобы они меня хвалили, даже не для них, чтобы им было лучше, — от материального добра им лучше быть не может, — а делаю для того, чтобы исполнить свое назначение — волю отца, хозяина...»¹³. Для Хилкова же важнее всего было спасти данного человека в данной ситуации. «Когда придет нищий, некогда справиться, увеличивается ли любовь»¹⁴.

Человек, чья доброта была равна вспыльчивости, Дмитрий Александрович не мог заставить себя полюбить Ирода. Не мог он отказаться и от правозащитной деятельности, что противоречило установке Толстого на полное воздержание от участия в любых юридических процессах.

Оратора и организатора по призванию, Дмитрия Александровича тянуло создать партию толстовцев: разработать программу, провозгласить в ней отречение от государства и церкви (такая декларация им была написана), сочинить устав, созвать съезд единомышленников. Наткнувшись на мягкое, но решительное сопротивление Льва Николаевича, Хилков на время оставил эти мысли. Его пропагандистский и организаторский талант проявился позднее при весьма драматических обстоятельствах.

Но, разумеется, все разногласия отходили на задний план, когда нужно было защищать Толстого от нападков попов. 2 марта 1891 г. протоиерей Харьковского кафедрального собора Т.И. Буткевич в «Слове в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя императора Александра Александровича» выра-

зил надежду, что Толстой будет «отсечен» от православной церкви. Ответ Дмитрия Александровича на это воинственное заявление, конечно, не мог быть напечатан. Распространялся он в рукописных копиях. «Желание, дабы кто-то был отсечен, как-то не вяжется с мыслью о христианской любви, долготерпении и кротости. “Все, взявшие меч, мечом погибнут”, — сказал тот, кого вы считаете Богом. Как же вы учите отсекаль? Или наподобие инквизиции вы это “удаление” просите сделать без пролития крови?»¹⁵.

Использование текстов Евангелия в полемике с ортодоксальными православными священниками было любимым приемом Хилкова. Вот как описывает один из эпизодов этой идеологической войны Дмитрий Александрович: «Попы стали распространять слух, что крестьяне села Павловки, кои не ходят в церковь, бьют и колотят иконы. Тогда двое крестьян, чтобы не подвергаться напрасным нареканиям, собрали свои иконы и отвезли их попу, говоря, что они им не нужны... Поп рассердился, позвал старшину и велел посадить привезших в холодную. Когда это стало известно, то еще многие крестьяне стали относить свои иконы. Крестьян, отвезших иконы, стали называть штундистами, а Харьковский архиерей Амвросий разослал по епархии во все волости и школы брошюрку “Проклятый штундист”. Это брошюра, написанная стихами следующего содержания:

Гремите, церковные громы,
Восстаньте, соборные клятвы,
Разите анафемой вечной
Штундистов отверженный род.
Штундист разрушает догматы,
Штундист отвергает преданье,
Штундист порицает обряды,
Еретик он — проклятый штундист...

И так далее. Когда эта постыдная брошюра попала мне в руки, я написал под каждым куплетом опровержение подлинными словами Спасителя или апостола, проставил главу и стих и послал архиерею через Павловского священника. Вот некоторые из выписок из Священного писания, вставленные мною против соответствующих мест стихотворения: «Из тех же уст исходят благословения и проклятия: не должно, братья мои, сему так быть» (Посл. Иак. 3, 10); «Каким судом судите, таким будете судимы» (Мф. 7, 2); «Блаженны вы, когда возненавидят вас и когда отлучат вас и будут поносить и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына человеческого» (Лк. 6, 22); «Благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5, 44)»¹⁶.

Вслед за Дмитрием Александровичем молодежь, собиравшаяся вокруг Льва Николаевича Толстого, вписывала эти евангельские тексты в листки архиерея Амвросия и в большом количестве рассылала друзьям для распространения¹⁷.

В январе 1892 г. сомнениям администрации, можно ли подвергать репрессии предстает древнейшего боярского рода, рюриковича да к тому же друга принца Константина Петровича Ольденбургского, пришел конец. Князь Дмитрий Александрович Хилков был выслан в Закавказье, затем в Прибалтику, а в 1898 г. — за пределы Российской империи. Кроме того, в 1893 г. супружескую чету Хилковых лишили родительских прав (их мальчику в это время было 3,5 года, девочке — два года).

Лев Николаевич Толстой восхищался поведением Дмитрия Александровича во время высылки. 31 января 1892 г. он пишет Хилкову: «Я очень рад, что Вы не подписали ничего, ничего не обещались, а сказали, что делать они могут все, что

может делать более сильный над слабым, да еще над таким, который не считает законным сопротивляться насилию, но что слушаться их и исполнять их требования Вы не намерены... Я всегда удивлялся, почему так не поступают люди, которых они угнетают и мучают... Я всегда хотел поступить именно так...»¹⁸. А в письме от 25 марта 1892 г. добавляет: «Как бы я рад был, коли бы меня сослали к Вам!»¹⁹.

Прощаться с Дмитрием Александровичем вышли все крестьяне села Павловки. Многие плакали.

* * *

Ссылка принесла Дмитрию Александровичу новые физические и нравственные мучения. Вот что пишет об этом Борис Дмитриевич Хилков, старший сын Дмитрия Александровича: «Во-первых, отца постоянно трепала лихорадка. Во-вторых, общественное положение его было фальшиво. С одной стороны — князь, не лишенный этого титула, да еще князь добровольно и по “высоким” побуждениям ставший почти нищим, а с другой стороны — ссыльный, самый последний человек, которому можно было чуть ли не плюнуть в глаза... Мелкие, но неотступные и необходимые заботы о хлебе насущном, мелкие и совершенно бесконечные дразги, сопровождавшие эти заботы и оттирающие на второй план не только “высокие” убеждения, но и всякие вообще убеждения, — все это производило свое действие. Вот надо варить суп для детей, а кастрюля, в которой его варят, треснула, а новую не на что купить. Надо идти к соседке и просить на время кастрюлю, но соседка уже давала займы керосин, и ей до сих пор его не отдали, потому что лишнего нет... Отец научился нескольким мастерствам, мать оказалось женщиной выносли-

вой и стойкой — она бралась за всякую тяжелую и черную работу и много раз помогала отцу сводить концы с концами. Несколько раз, правда, дядя (Григорий Дмитриевич Хилков — церемониймейстер Высочайшего двора) и тетка отца (Прасковья Дмитриевна — фрейлина Высочайшего двора) присылали небольшие суммы денег»²⁰. По 40 рублей ежемесячно высылал известный толстовец В.Г. Чертков.

Томила духовная жажда: не хватало книг, журналов, газет. Неприятным открытием для Дмитрия Александровича оказалась его чуждость местному населению, хотя оно состояло из любимых им духовоборов. За четырнадцать лет, что минули с того времени, когда Хилков заинтересовался учением этих сектантов, многое изменилось в их жизни: лицемерие, жадность, пьянство проникли и в их среду. Особенно оказалась зараженной этими пороками зажиточная часть населения Борчалинского уезда Тифлисской губернии, в том числе и село Башкичет, которое было назначено местом пребывания Хилкова.

Правда, большинство духовоборов Карской области, Елизаветпольской губернии, Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии придерживались иного образа жизни. Вот пункты программы, которую они намеревались осуществить:

1. Эксплуатация наемного и всякого иного зависимого труда несовместима с христианством.

2. Имущественное неравенство подлежит уничтожению путем равного дележа имущества между бедными по добровольному согласию богатых.

3. Подлежат уничтожению стимулы, ведущие к накоплению богатств, для чего следует: а) ограничить размеры хозяйства настолько, чтобы оно отвечало необходимости

лишь простого воспроизводства условий жизни, что требует максимального «опрощения» образа жизни верующих (быта, одежды, пищи и т.п.); б) прекратить браки, а состоящим в них отказаться от половых связей, чтобы рост семьи не вызывал необходимости в дополнительных средствах для ее поддержания.

4. Пребывание на военной службе, как связанное с насилием, несовместимо с христианством²¹.

Как эта теория воплотилась на практике, можно узнать из «Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного вероисповедания за 1898 — 1899 годы»: «Секта духовоборов-постников составила из себя преступное противогосударственное сообщество, открыто заявившее как на словах, так и на деле о непризнании власти в государстве, начиная с Верховной власти Царя, и о нежелании подчиняться каким бы то ни было правительственным распоряжениям и требованиям законов. В силу сего духовоборы-постники в течение нескольких лет уклонялись от исполнения военной повинности и несения полицейских и всяких других по сельскому управлению обязанностей, от натуральной, дорожной, квартирной и подворной повинностей, а также от уплаты податей. Бытовую свою жизнь последователи новой духовоборческой секты стремились организовать на чисто коммунистических началах. Они распродала весь свой лишний скот, прекратили земельные аренды, переделили все свои наличные капиталы по равной каждому из членов общины части и образовали общую кассу, поручив распоряжение ею особым выборным попечителям; последние должны были закупать все необходимое для жизни общины; наемных работников рассчитали, обработку

полей и уборку хлебов начали производить в ограниченных размерах артельным трудом, позаводили артельные мастерские и проч. В образе жизни духоборы-постники заявили себя строгими вегетарианцами, а также «непротивленцами» в духе известного учения графа Л.Н. Толстого»²².

Главой распространителей этого «лжеучения» среди духоборов чиновники Синода посчитали Дмитрия Александровича Хилкова²³.

Нет сомнения, что образ жизни духоборов-постников долгое время представлялся Дмитрию Александровичу идеальным. Но следует признать, что распространять толстовство на Кавказе начали еще в 1888 г. сами крестьяне-духоборы П.В. Веригин, В.Г. Верещагин, И.Е. Конкин, В. Объедков. И были они не «свертаны» какими-то зловердными интеллигентами-агитаторами, а сами искали идеологическое обоснование богоугодности своей позиции в конфликте со стяжателями, пытавшимися присвоить общинные капиталы духоборов.

На протяжении 1892—1895 гг. роль Хилкова среди духоборов довольно скромна. В это время на Кавказе вспыхнула эпидемия холеры. Хилкову как самому образованному человеку в селении пришлось стать врачом и аптекарем (как бы мы теперь сказали, на общественных началах).

Но в июне 1895 г. разразились события, которые снова поставили Дмитрия Александровича в центр общественного внимания и в конце концов заставили его серьезно пересмотреть свои политические взгляды.

В ночь с 28 на 29 июня 1895 г. в ответ на объявленный призыв к воинской повинности около двух тысяч новобранцев-духоборов сожгли имевшееся у них оружие. Тифлисский губернатор Шервашидзе выслал против них казаков, которые

произвели соответствующее «усмирение»: мужчин секли, их жен и детей насильовали, хозяйство сектантов грабили.

Узнав об этом, Дмитрий Александрович отправил Льву Николаевичу Толстому гневно-ироническое письмо, в котором живописал «подвиги христоролюбивого воинства белого царя». Хилков надеялся, что Лев Николаевич поможет поместить это разоблачение в русской или зарубежной печати. Реакция Толстого была обескураживающей. Похоже, что он растерялся: заявил, что рассказ написан дурно, подверг сомнению достоверность приведенных фактов, заявил о невозможности публиковать в таком виде статью как в России, так и за её пределами. Правда, в августе и сентябре 1895 г., получив подтверждение этой информации от командированного на Кавказ П.И. Бирюкова, Толстой пытался сочинить письмо с целью пристыдить гонителей духоборов, но работу эту так и не закончил.

Перед лицом горя 400 семейств мятежных сектантов, высылаемых в зараженные малярией уезды Тифлисской губернии (две тысячи человек оттуда не вернулись живыми), старые уверения в бесплодности работы над изменением внешних условий существования и в спасительности самосовершенствования теряли последнюю привлекательность.

Способствовать изменению внешних условий существования толстовцам все-таки пришлось. В августе 1896 г. религиозный лидер духоборов-постников П.В. Веригин обратился с письмом на имя императрицы, в котором ходатайствовал о разрешении духоборам выехать за границу.

В мае 1898 г. министерство внутренних дел дало согласие на эмиграцию сектантов. Средства для переселения духоборов собирали тол-

Толстовцы, организовавшие переселение духоборов в Канаду
[В третьем ряду Д. А. Хилков (слева), С. Л. Толстой (Канада, 1899)]

стовцы, в том числе Д.А. Хилков. Было составлено и опубликовано в Лондоне и Москве воззвание «Помогите!», призывавшее к содействию духоборам и обличавшее правительственные преследования их. Лев Николаевич собственноручно написал 20 обращений к богатым купцам и фабрикантам с просьбой дать денег на переезд инакомыслящих крестьян. Пожертвования поступили от шести крупных соб-

ственников. Сам Лев Николаевич отдал духоборам гонорар за роман «Воскресение». Кроме того, диссидентам помогали английские и американские квакерские организации.

Поисками удобной для духоборов «земли обетованной» занялись Дмитрий Александрович Хилков и Владимир Григорьевич Чертков, высланные к этому моменту за границу. После неудачной попытки обосноваться на Кипре взоры тол-

стовцев и духовоборов обратились к североамериканскому континенту. Как человеку, прекрасно знающему английский язык, Дмитрию Александровичу поручили вести переговоры с канадским правительством о размещении здесь 7,5 тысяч сектантов. Хилков стал знаменитостью. Фамилия его то и дело мелькала на страницах канадских газет.

В планах Дмитрия Александровича было остаться крестьянствовать в Канаде. Но среди лиц, занимавшихся обустройством духовоборов на новом месте, вспыхнули разногласия по фи-

нансовым вопросам. Хилкова обвинили в том, что при осмотре земли, предложенной канадским эмиграционным комитетом, он не обратил должного внимания на важные экономические и климатические факторы, потому что канадское правительство дало Хилкову взятку.

Оскорбленный Дмитрий Александрович уехал в Англию, попытался в графстве Эссекс организовать толстовскую колонию, потерпел неудачу и в конце концов оказался в центре российской политической эмиграции — Швейцарии.

Революционер

Осанистую фигуру князя Хилкова часто видели за председатelsким столом различных международных конференций и митингов, в изобилии проходивших в Женеве начала XX в. Всеобщее уважение вызывала его терпимость, стремление примирить различные оппозиционные самодержавию группировки.

В 1900 г. Дмитрий Александрович переводит на русский язык мистико-аллегорический трактат одного из основоположников христианского социализма — французского богослова Фелисе Ламенне «Слова верующего», в котором страстно критиковались социально-экономические порядки, обрекающие трудящихся на голод и страдания. Эта работа, видимо, помогла князю расстаться со своим толстовским прошлым. Духовная метаморфоза одного из лучших публицистов XIX в. Ф. Ламенне, превратившегося из яростного защитника абсолютной монархии и католической церкви в её критика и в демократа, решительно вставшего на защиту восставших в 1848 г. парижских рабочих, была близка Дмитрию Александровичу. Ведь он сам приходил к выводу, что «дракой, конечно, нельзя завоевать

свободу. Но при существующих условиях земной жизни политические права могут быть добыты только теми, которые не откажутся от насилия»²⁴. Оно допустимо, если на то есть воля Божья (Божья воля у Хилкова — синоним совести).

«Слова верующего» были опубликованы в Женеве в «Библиотеке народных листков». Издавали эту серию нелегальных брошюр на средства, вырученные от продажи остатков имения Д.А. Хилкова, социал-демократы В.Д. Бонч-Бруевич и В.М. Величкина. Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича свела с Хилковым общая забота о переселяющихся духовоборах. Для Веры Михайловны Величкиной князь был человеком легендарным, она слышала о нем еще в годы юности от Льва Николаевича Толстого, которому помогала в 1892 г. спасать голодающих крестьян. Тогда же, в 1901 г., Хилков финансирует выходящий в Лондоне марксистский журнал «Жизнь». Одновременно оказывается в числе основателей и руководителей так называемого Русского музея, поставившего своей целью сохранение за границей революционно-литературного материала, кото-

рый уничтожался царским правительством.

Сотрудничал он и в газете «Искра», об этом свидетельствует его записка, адресованная Г.В. Плеханову: «Многоуважаемый Георгий Валентинович! Посылаю Вам заметку по поводу «Павловского дела». Не найдете ли Вы возможным отослать её в редакцию «Искры» для напечатания?»²⁵. Речь шла о судебном процессе над крестьянами, когда-то находившимися под духовным влиянием Дмитрия Александровича.

После высылки Хилкова из Павлово его место занял новый «пророк». Возбуждавший крестьян хлыстовец²⁶ Моисей Тодосиенко заявил сектантам, что послан к ним царем Николаем: «Ваш Хилков послан к иноземным народам, а я — к вам»²⁷.

Проповедь новоявленного мессии заключалась в предсказании скорого наступления всеобщего равенства, ликвидации верховных властей и проведения уравнительного раздела земли. Особенно подчеркивалась враждебность церкви Богу и необходимость её разрушения. 16 сентября 1901 г. 300 сектантов, мужчин и женщин, одетых в праздничные одежды, со стройным пением, с победными криками «Правда идет! Христос воскрес!» двинулись к местной церкви. Разбив в церкви окна, иконы и алтарь, они хотели идти дальше громить кабак и лавки, но подоспевшая полиция и православные крестьяне рассеяли толпу и арестовали вожаков. При этом один человек был убит, 42 ранено. Затем 45 мятежных духовоборов были приговорены к каторжным работам, четыре — к тюремному заключению, один — к арестантским ротам, где его замучили²⁸.

В октябре 1901 г. Д.А. Хилков просил Л.Н. Толстого найти хорошего адвоката для находящихся под след-

ствием павловских сектантов. Л.Н. Толстой обещал помочь в этом деле.

Разбираясь в причинах, подвигнувших крестьян на столь средневековую форму протеста, Борис Дмитриевич Хилков, сын Дмитрия Александровича, лично знакомый с участниками бунта, выдвинул интересную гипотезу. Дело заключалось не только в том, что крестьянам досаждали преследованиями местные помещики и полиция, что в церкви с досок икон на молящихся смотрели лица местных помещиков, известных своим безнравственным поведением²⁹. Главное — у крестьян, проснувшихся благодаря Хилкову к интеллектуальной жизни, не было перспектив разумного роста. Им было скучно. Учение же М. Тодосиенко обладало элементами достаточно острыми и возбуждающими, для того чтобы с головой в него окунуться и сделать своей радостью, солью жизни... Это учение носило императивный и категорический характер, ставило себе большие цели «мирового масштаба», при этом близкие и понятные сердцу и уму его последователей, заключало в себе «ужасные санкции» для ослушников и безмерные награды для «верных».

Дмитрий Александрович считал, что новый «пророк» был просто полицейским провокатором. Нужно было срочно решать вопрос о лидере сектантского движения. В написанной Хилковым для «Искры» заметке «К приговору по делу павловский сектантов» главной являлась мысль о необходимости добиться единения сектантов и революционной интеллигенции³⁰.

Установка на работу среди сектантов с целью привлечения их к социал-демократическому движению содержится, как известно, в одной из резолюций, принятых в 1903 г. на Втором съезде РСДРП³¹.

Некоторое время Дмитрий Александрович работает вместе с социал-демократами, но их аграрная программа и тактика представляются ему слишком умеренными. Князь Хилков вступает в партию социалистов-революционеров. На деле же творчество этой энергичной и даровитой личности не вмещается ни в какие партийные рамки.

В 1901 — 1905 гг. Дмитрий Александрович занят в основном литературно-пропагандистской деятельностью. Вот проблематика вышедших в этот период из-под его пера популярных брошюр: антихристианская, антинародная сущность православной церкви³², революционный исторический опыт английских протестантов XVII в.³³, критика толстовской теории непротivления злу насилием³⁴, стратегия и тактика революционного движения России³⁵. В освещении последней темы он полностью солидарен с работой В.И. Ленина «К деревенской бедноте»³⁶. Согласно Хилкову, минимальные задачи, которые должны решить трудовой народ, желающий добиться улучшения своего положения, состоят в следующем:

1. Изгнание из России Николая и всего его царствующего дома.
2. Освобождение земли.

Средство решения поставленных задач — вооруженное восстание. Особенно подробно останавливается Дмитрий Александрович на проблеме военно-технической подготовки восстания. Ведь он профессиональный военный. Его инструкция для боевых дружин (которые должны были: 1) пробудить в массах сознание своей силы, организовать их; 2) сделать невозможным пребывание по деревням начальства; 3) стремиться к захвату частнособственнической земли; 4) выигрывать сражения в городах с полицией и кадровыми войсками, предотвращая лиш-

нее кровопролитие³⁷) затем во многом повторена В.И. Лениным в работе «Задачи отрядов революционной армии»³⁸.

Интересна оценка Львом Николаевичем Толстым революционных статей Хилкова. Если под антиклерикальными листками он готов подписаться обеими руками³⁹, то к работам, трактующим вопросы стратегии и тактики революционеров, отношение было сложное. В 1901 г. листок, описывающий приемы партизанской войны с царскими войсками, был назван безнравственным и глупым⁴⁰.

В 1905 г., когда Россию каждый месяц потрясали все новые и новые революционные взрывы, позиция Толстого становится менее безапелляционной. 16 июля 1905 г. Лев Николаевич отправляет Дмитрию Александровичу письмо (впервые за четыре года молчания, вызванного полным идеологическим разрывом). Толстой отмечает, что статьи Хилкова сильно и блестяще написаны. И все же: «...Согласиться с Вами я никак не могу, и не потому что Ваши доводы были не сильны (хотя и в них есть слабая сторона: малая возможность и вероятность осуществления, а между тем страшный риск страданий, вражды и озверения людей), но потому, что цели мои совершенно иные, чем те, которые Вас теперь занимают... Когда я думаю и говорю про теперешнее состояние людей, про страдания народа, про революцию, я думаю и говорю только, что жизнь по законам Бога наилучшим и, главное, безгрешным способом попутно достигает той цели, которую Вы ставите выше всего. “Ищите царствия Божия и правды его, и остальное приложится”... Вызывать вражду и убивать людей дурно. Не желаю этого для Вас, и особенно для Вас, потому что люблю Вас... Мне захотелось доброго,

братского общения с Вами, захотелось напомнить, как мужики говорят, помирать будем! И когда будем помирать или помнить об этом, вопросы боевых дружин предстанут совсем в другом свете....»⁴¹

В начале XX в. брошюры Хилкова в изобилии ходили среди крестьян Юга России. Через доверенных лиц Дмитрия Александровича, Ивана Марковича Шевченко (позднее сослан на каторгу) и Ивана Павловича Могила (позднее погиб в Харьковской тюрьме), жители окружающих Павловки сел получали нелегальную литературу. Весной 1905 г. в селе Ястребинском Сумского уезда Харьковской губернии был организован кружок пропагандистов. Его деятельность пала на благодатную почву. По свидетельству Бориса Дмитриевича Хилкова, с детства знакомого с образом жизни селян, «мысли “о Божьей земле”, “Черном переделе”, который неминуемо придет, об извергах-господах, которых надо выдушить до последнего, тлела в каждой крестьянской голове, и достаточно было небольшой искры, чтобы вызвать если не пожар, то огонь»⁴².

Осенью 1905 г. крестьянское движение охватило половину уездов европейской части России. По приблизительным подсчетам министерства внутренних дел крестьянами было разгромлено до двух тысяч помещичьих усадеб. Размеры убытков помещиков составили 29 млн рублей⁴³.

Готовил восстание в Сумском уезде и Дмитрий Александрович. Но его агенты были арестованы уже на границе. Пораженный этим происшествием, Хилков заподозрил провокацию в ЦК эсеров, причем заявил, что его подозрения падают на Азефа⁴⁴. Ни Чернов⁴⁵, никто другой из лидеров социалистов-революционеров не придали этому заявлению никакого значения.

А восстание в селе Ястребинском все-таки вспыхнуло!

В октябре 1905 г. ястребинцы разогнали волостное правление, избрали комитет, который установил контроль над всем уездом. Комитет взял из банка 5 000 рублей, на них было куплено оружие, организована боевая дружина. На крестьянском сходе было решено отказаться платить государственные налоги, отобрать у помещиков землю, закрыть государственный кабак, а церковь переделать под мельницу. П.Н. Щербак, родственник А. Щербака, руководителя «ястребинской республики», рассказывает: «Я с детских лет слышал легенды, ходившие в народе о героических ястребинцах: как они объявили село республикой, а имение графа Строганова — народной собственностью, никто не взял себе ни одного зерна... Были вызваны царские войска... Мужчины и женщины сражались на баррикадах»⁴⁶.

По суду было повешено 14 ястребинцев, без суда замучено значительно больше⁴⁷.

Можно только догадываться, какие нравственные муки испытывал Дмитрий Александрович, узнав о гибели доверившихся ему людей.

В конце ноября 1905 г. он возвращается на свой хутор; возвращается в места, где всем известна его «подстрекательская» роль в организации революционных выступлений. Он хотел разделить участь своих погибших друзей?

Правда, возвращается Д.А. Хилков уже не членом партии социалистов-революционеров. Совесть Хилкова всегда мучил вопрос о позволительности «экспроприации для партийных целей». Вызывало отвращение то, что часть средств, поступавших в распоряжение революционных деятелей, шла не на спасение Отечества, а на рулетку, кабаре,

шантаны. Удивляло отношение ЦК эсеров к частым провалам. «Однажды, — рассказывал Дмитрий Александрович, — я предложил Комитету такой способ конспиративной переписки, который, кроме посвященных, никогда и никто не мог бы разобрать. Несмотря на все преимущества моего шифра, его отвергли и оставили тот, с которым очень многие ловились...»⁴⁸.

В конце концов Хилков убедился, что в ЦК дела делаются весьма нечистыми руками...

Возможно к удивлению его самого, Дмитрия Александровича не арестовали! Не выдали его многочисленные сторонники? Сыграли роль семейные связи? Ведь двоюродный брат Д.А. Хилкова, В.Ф. Джунковский, был видным сановником, московским губернатором. Кто знает?

Философ

В 1906—1914 гг. Дмитрий Александрович живет анахоретом на своем хуторе, занимается посевами, садом, пчелами, даже пишет о них книгу, постоянно помогает, чем может, окрестным крестьянам. Политикой не занимается. Его агитаторская деятельность суживается до бесед с местным священником и чуть ли не ежедневных споров со старшим сыном, который считал, что жить нужно просто затем, чтобы жить. Борис Дмитриевич Хилков вспоминает: «Это были настоящие турниры, в которых оружием служили копы, мечи и рапиры, но никогда не камни и не палки... Часто случалось, что почва ускользала из-под моих ног, и мне казалось, что сейчас я буду безнадежно прижат к стене... порох иссяк, надо дать себе передышку, а отец продолжает улыбаться, и голос его звучит так ровно и мягко, как будто никакой схватки и не было...»⁴⁹

Теперь плодом размышлений Дмитрия Александровича являлись не революционно-пропагандистские брошюры, а богословские трактаты, известные узкому кругу толстовцев и лиц, отошедших от Льва Николаевича, сектантов и ортодоксальных православных священников, представителей различных религиозных конфессий. В печати эти сочинения появились уже после смерти Дмитрия Александровича.

В 1910 г. Хилков переживает еще одну трагедию: кончатся самоубийством его дочери — Ольга (та самая девочка, которую отняли у князя по распоряжению Александра III в 1893 г.) и Елизавета. По свидетельству священника Николая Чепурина, близко знавшего семейство Хилковых, «девушкам приходилось быть между тремя совершенно различными и антагонизирующими влияниями: бабушкиным (Юлия Петровна Хилкова — мать Дмитрия Александровича — была закоренелой монархисткой), отца и матери (Цецилия Владимировна Винер — жена Дмитрия Александровича — непоколебимая сторонница толстовства). В результате этих трех влияний у них обеих в душе ничего не оставалось, никакой веры, никаких убеждений, кроме страшного хаоса и недовольства»⁵⁰. Видимо, эта характеристика не совсем верна. Ольга, например, занимала вполне определенную гражданскую позицию. Достаточно вспомнить ее завещание. На свое приданое она распорядилась построить лечебницу для крестьян. Больничный городок, который был воздвигнут по её наказу, стал притчей во языцех. Еще бы: снабженные паровым отоплением, водопроводом — поликлиника, больница, дома для врачей, вспомогательные службы! Яркий свет карбидных фонарей, ко-

торый освещал все эти чудеса, был виден издали...

Дмитрий Александрович переживает тяжелый душевный кризис. Возможно, он принимает как личный упрек, брошенный герою трагедии Л. Андреева «Анатэма» Давиду Лейзеру, подобно Хилкову раздавшему свое состояние бедным: «Не утолив голода голодных, не дав зрения слепым, не вернув жизни безвинно умершим, — произведя раздоры и споры, и кровопролитие жестокое, ибо уже поднялись люди друг на друга и во имя Давида производят насилие, убийства и грабежи, — не проявил ли Давид бесилие любви и не сотворил ли он великого зла?»⁵¹. В одном из писем Дмитрий Александрович признается: «Я изжил и ослабел, и потерял веру в себя»⁵². Рухнула надежда построить «царство Божие на земле», рационалистически организованное общество.

По поводу соотношения рационального и иррационального у князя под влиянием изучения христианской и буддийской литературы, трудов Оригена, Ф. Бэкона, Г. Гегеля, И. Канта, Л.Н. Толстого, Вивекананды, А. Бергсона, У. Джеймса сложились к 1914 г. вполне определенные взгляды. Философия Д.А. Хилкова в качестве отправной точки имела влюбленность в историческую личность Иисуса Христа. В этом отношении он весьма напоминал одного из первых христианских мыслителей и богословов Оригена Александрийского. Родоначальник нравственно-практического направления в христианской мистике, Ориген проповедовал, что высшее благо состоит в том, чтобы «делаться подобным Богу»⁵³. В человеке заложена *возможность* совершенствования, *способы же и темпы* совершенствования зависят от *свободной воли* личности. «Душа бессмертна и вечна, поэтому... на протяжении

многочисленных и бесконечных, огромных и разнообразных веков она может от высочайшего добра переходить к крайнему злу и от крайнего зла возвращаться к высочайшему добру»⁵⁴. Возможно в качестве наказания за грехи, с целью дальнейшего исправления, временное переселение души человека в тело животного. Но в конечном итоге *всякая тварь*, даже демоны, спасается, т.е. воссоединяется с Христом, Богочеловеком. Воссоединение это происходит интуитивно, путем влюбленного воображения Христа в сердце верующего. Вселяясь в душу и обитая в ней, Христос преобразует её по образу своему⁵⁵.

Дмитрий Александрович также считал, что живое чувство, интуиция, вдохновение, творчество являются сутью человека. Что касается разума, то его роль в деле спасения человека весьма противоречива. Хилков пишет: «В длинном ряду — цепи живых существ от амебы до современного человека — был момент, когда в одном из звеньев этой цепи возник разум и сознание. В этот момент возник человек и человечество. С этого момента существо, наделенное разумом, отделило себя от всего сущего и познало, т.е. разделило все сущее на “добро” и “зло”. “Разум” дал человеку господство над всем, но при том непереносимом условии, чтобы человек признал его господство, стал его рабом»⁵⁶. Мы вынуждены согласиться с Дмитрием Александровичем: действительно, печальные последствия порабощения человека какой-либо догмой или материальным воплощением догмы демонстрирует вся история человечества.

«Но возникновение разума, — считает Хилков, — не падение, или ошибка, или грех. Все это естественно, закономерно и неизбежно. Это — движение всего живущего “через

препятствия к звездам"... Если человек, не отказываясь от разума, преодолеет его искушение, останется верен Жизни и Истине, то тогда разум из дьявола обращается в спасителя и просветителя»⁵⁷.

Свойство, которое помогает, по Хилкову, поставить разум на подobaющее ему место (не господина, а слуги жизни) — способность к творчеству⁵⁸.

Какие же практические выводы делает Хилков из своих богословско-философских размышлений? Став рабами разума, ожидая от него спасения, люди готовы провозгласить Богом человека.

Подобные упрёки можно найти у Н.А. Бердяева. Но его статья, где говорится, что «поглощая нищенско-социал-демократическое варварство, многие почувствуют себя сверхчеловечишками и в конце концов поклонятся одному настоящему, уже и вместе с тем призрачному сверхчеловеку, врагу Богочеловека»⁵⁹, поражает истерически-неприязненным тоном. Дмитрий Александрович, напротив, совершенно спокоен. Он никого не обвиняет и не обличает. Он даже подчеркивает, что люди, которые *непременно в ближайшее время* (написано в 1914 году!) примут участие в этой исторической драме, нравственны и благочестивы. Хилков констатирует: «Против идеи Богочеловечества — церковной — объединяются и скоро объединятся три большие силы: еврейство, ждущее мессию — человекобога, хлыстовство (во всех своих проявлениях), проповедующее человекобожество, и гуманизм (социализм то ж), основной принцип которого человекобожество, *себе довлеющий человек*. И если подумать о том, как прекрасна на внешний утилитарно-нравственный взгляд идея человекобожества по своим плодам и следствиям, то нет ничего удивительно-

го в том, что люди ею увлекаются. Христос принес меч и разделение. Человекобог принесет мир и единение»⁶⁰. Дмитрий Александрович предсказывает *скорый* приход Человекобога. Результатом его появления будет *новое разъединение* людей⁶¹. Здесь уместно вспомнить рассуждения по аналогичному поводу Л.Н. Толстого: «Новая [революционная] власть ни в коем случае не была бы менее угнетательной, чем прежняя, а всегда, напротив, защищая себя от всех озлобленных свергнутых врагов, была бы более деспотична и жестока, чем прежняя»⁶². Д.А. Хилков пророчествует, что миллионы отрекутся от церкви: «Церковь будут судить и распнут. И на "третий день" Она воскреснет»⁶³.

Чем же на исходе жизни стала для Дмитрия Александровича Православная Церковь? На первый взгляд Хилков лишь повторяет аксиомы догматического православия: Церковь есть организация и Организм, Богочеловеческое тело Христово. Но быстро выясняется, что организация для Дмитрия Александровича — дело второстепенное. Вступление в Церковь — это «прививка к дереву истины, но не всякая прививка принимается»⁶⁴. Синод, епископы, официальные богословы вовсе не обязательно являются хранителями благочестия: «Полнота Истины всегда содержится в теле Христовом. А кто именно выражает эту Истину ярче: юродивый, неграмотный извозчик или епископ, — мы не знаем ...смотря какой юродивый, какой епископ, какой извозчик»⁶⁵.

Любимая идея Дмитрия Александровича: «Христос — Зерно, Начаток, Источник, Глава нового, небывалого, до Его пришествия, *Организма*, обладающего новой, небывалой (для людей) до того

жизнью другого порядка по существу»⁶⁶. Садовод с многолетним стажем, Хилков придумывает следующее сравнение, чтобы объяснить свое понимание отношения грешных людей и церкви: «Представьте себе, что атомы железа, находящиеся у подножия яблони, втянуты в организм — яблоню. В ней они оживут и будут жить не своею (своего сорта) жизнью, а жизнью яблони, станут яблоками. Атомы железа — люди, Яблоня — Христос, Богочеловеческий Организм, Церковь.... Члены церкви Христовой — живые клеточки Богочеловеческого Организма, и все вместе, в совокупности и с Главой своею — Христом, составляют один Богочеловеческий Организм»⁶⁷. Схожие взгляды мы находим у А.С. Хомякова и Ю.Ф. Самарина, но друзья Дмитрия Александровича уверяют, что князь пришел к этим выводам самостоятельно, познакомившись с богословскими трудами знаменитых славянофилов довольно поздно.

Хилков заявляет, что концепция Церкви — Богочеловеческого Организма, «во-первых, исчерпывает Благовествование... во-вторых, единственная из известных мне схем миропонимания “универсальная”, “демократическая”, т.е. обращенная равно как к “вохву-мудрецу”, так и “пастуху”, в-третьих, единственное учение, которое дает ответ и удовлетворяет все запросы разума и сердца человеческого»⁶⁸, утешает грешный и несчастный народ.

Казалось бы, солидарен с Хилковым Н.А. Бердяев: «Правда демократизма — в этой соборности, в соединении в единый организм, в котором каждый имеет абсолютное значение перед Богом»⁶⁹.

Но итог деятельности Богочеловеческого Организма представляется

Николаю Александровичу и Дмитрию Александровичу по-разному. Бердяев мечтает увидеть Россию сверхдержавой, диктующей свою волю другим государствам⁷⁰. И хотя в его статьях достаточно призывов к самопожертвованию, но *фактически деятельность Н.А. Бердяева ориентирована на самоутверждение*.

Хилков представляет другую группу интеллигенции, для которой *самоотвержение — требование и факт повседневной жизни*. Горький жизненный опыт привел Дмитрия Александровича к выводу, что улучшать жизнь на земле, этой переключательной станции для странствующих душ, бессмысленно. Оставалось стремиться к спасению души, т.е. обретению жизни вечной, жизни в лоне Бога, вне времени и пространства, в другом измерении. Для этого надо ежедневно добиваться установления естественного единения с ближними людьми, животными, растениями путем служения друг другу, сердечного общения⁷¹.

* * *

1 августа 1914 г. разразилась первая мировая, или, как тогда говорили, Великая Отечественная война. Дмитрий Александрович воспринял ее как акт самоотвержения во имя славянства. Он уверял друзей, что война сплотит россиян. Правда, здесь же следовала многозначительная оговорка: «если не будут забыты те принципы, во имя которых она началась»⁷².

Видимо, где-то в глубине души у Дмитрия Александровича жило сомнение в справедливости надежды на светлое послевоенное будущее. Кроме того, подобно любимым им Ф. Бэкону и У. Джеймсу, он считал практику залогом истины и оставался верен христианскому правилу, согласно которому свидетельствовать об истине можно только

собственным образом жизни. И вот итог: в конце августа 1914 г. князь Д.А. Хилков добровольно уходит на фронт. 2 сентября 1914 г. он пишет друзьям: «Бытность на театре военных действий позволит мне провернуть свои взгляды»⁷³.

Далее предоставляем слово Борису Дмитриевичу Хилкову:

«По личному распоряжению Николая II отец был назначен войсковым старшиной Кубанского 3-го Хоперского полка, в котором служил еще в годы русско-турецкой войны. 20 октября 1914 г. вечером полк получил приказание выслать сотню, чтобы задержать появившиеся около деревни Синовуцко (в 20 километрах к юго-западу от города Стрый, Западная Украина) австрийские части. Сотня была выслана под командой отца. Дозорные скоро наткнулись в горных перевалах на австрийскую цепь. На рассвете 21 октября, когда поднялся туман, австрийцы неожиданно открыли оружейный огонь, причем оказалось, что казачью сотню от них отделяет всего несколько шагов. Отец, лежавший с казаками в цепи, поднялся, что-то сказал и сделал шаг вперед, но в тот же момент упал, а сотня, не сделав ни выстрела, отступила, потому что неравенство сил было очевидно. Труп отца остался на месте. В начале ноября, когда я приехал разыскивать тело отца, окрестности деревни Синовуцко были снова в руках русских. Бывший ординарец отца взялся отыскать место его гибели. Однако это оказалось не так легко: мой проводник помнил, что сотня отступила где-то в горах около деревни, но точно места он, конечно, заметить не мог. Наконец, мы наткнулись на уединенный хутор, хозяин которого после долгих колебаний признался, что он сам похоронил русского офицера с большой белой бородой. Он повел нас вверх,

и после нескольких часов блужданий по однообразным лесистым краям мы нашли то, что искали. Снег уже засыпал могилу, и единственным её признаком был крест из двух тонких веток, едва заметный даже на расстоянии шага. Мы разбили лопатами мерзлую землю: труп лежал на глубине четверти метра и нисколько не разложился. Черкеска, сапоги, папаха были сняты, лицо покрыто землей, но мы скоро заметили небольшую рану на виске. Спустившись к хутору, мы сколотили ящик из досок, вернулись к могиле, положили труп в ящик и отнесли его вниз, где нашли подводу. Подвода отвезла гроб до железной дороги, а там его поставили в вагон, который доставил тело в Харьковскую губернию, на хутор отца. Еще при жизни он точно указал место, где должен быть похоронен: рядом со своей младшей дочерью. Он всегда заботился об этом месте и посадил там несколько кустов и деревьев»⁷⁴.

К месту вечного упокоения крестьяне села Павловки несли гроб своего бывшего барина на руках. Несли три долгие, скорбные версты...

Так ушел из жизни один из самых искренних, непосредственных и твердых людей своего времени. Ушел, оставив нам загадку: как поставить разум на службу добра?

Разрешит ли её когда-нибудь человечество?

¹ Библикова М.С. Мои воспоминания. Отец и дядя // Лев Николаевич Толстой: Юбилейный сборник. М.:Л., 1928. С.105, 106.

² См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Письма. Т.66. М., 1954. С.148—150, 414.

³ Подсчитано по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.:Л., 1928—1956. Т.39. 50—53, 55, 63—73, 84, 85.

⁴ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. Сергиев Посад, 1915. Вып. I. С.25.

⁵ Духоборы (борцы за дух) — сектанты крайне протестантского толка. Движение зародилось

во второй половине XVIII в. среди крестьян Воронежской, Тамбовской, Екатеринославской губерний и в Слободской Украине. Духоборы полагали, что в мире извечно происходит борьба духовного (последователи Авеля) с плотским (последователи Каина). К последним относятся власти, несправедливые судьи, богачи. Духоборы считали себя последователями Авеля, истинными людьми и избранным народом, который призван созидать мир на Земле, осуществлять братство в духе Божьей правды. Руководитель духоборов, по их мнению, и есть Христос во плоти, сам избирающий себе преемника.

Православных обрядов, кроме бракосочетания, духоборы не признавали. Догматы духоборов изложены в специальных псалмах, исполняемых ими на молитвенных собраниях. В 1804 г., желая заселить южные окраины России, Александр I разрешил духоборам поселиться на р. Молочной Мелитопольского уезда Таврической губернии. В 1841 г. духоборы были выселены в Закавказье. В 1899 г. — после правительственных репрессий, вызванных отказом духоборов от воинской повинности, — 7,5 тысяч сектантов эмигрировали в Канаду, где живут по сей день. Большая часть оставшихся в России духоборов перешла отчасти в православие, отчасти в баптизм.

⁶ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полн. собр. соч. Т.23. М., 1957. С.333.

⁷ Записки Д.А. Хилкова // *Чертков В.Г. Похищение детей Хилковых*. Б.м., 1901. С.21. Трактат Л.Н. Толстого «В чем моя вера?» был запрещен цензурой. Достав лишь парижское издание этой книги, Дмитрий Александрович Хилков выполнил обратный перевод её с французского на русский язык.

⁸ Толстой Л.Н. В чем моя вера? С.369.

⁹ *Штундисты* — название ряда сект, активно действовавших в 60—90-х гг. XIX в. Название — от немецкого Stunde (час молитвы), как назывались в конце XVIII в. евангельские кружки в немецких колониях юга России — было дано представителями ортодоксального православия. Первые сектантские общины, называемые штундистами, сами себя называли «духовными христианами», «евангельскими христианами». Штундизм получил значительное распространение среди крестьян на Украине, в Центрально-Черноземном районе России. Первоначальные штундистские общины были проникнуты коммунистическими настроениями, окрашенными в религиозные тона, с чаяниями «нового мира», который должен прийти на смену старому, разделенному на «фаранов» — эксплуататоров — и «евреев» — угнетенных бедняков. Желанное должно быть

достигнуто путем установления на Земле любви. Изгнав православного попа и отменив православный культ, штундисты заменили его евангельским культом с молитвенными собраниями. К началу XX в. уцелевшие после расколов и преследований правительства штундистские общины превратились фактически в ссудно-сберегательные товарищества. К Октябрьскому перевороту и насильственно проведенной коллективизации штундисты относились отрицательно. В дальнейшем секты штундистов слились с сектами баптистов.

¹⁰ Записки Д.А. Хилкова. С.27.

¹¹ Цит. по: *Апостолов Н.Н. Живой Толстой*. СПб., 1995. С.374—376.

¹² См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.65. С.222.

¹³ Там же. Т.64. С.352.

¹⁴ Там же. Т.65. С.231.

¹⁵ Цит. по: *Гамон М.Л. Л.Н. Толстой и харьковчане*. Харьков, 1993. С.128.

¹⁶ Записки Д.А. Хилкова. С.29.

¹⁷ См.: *Величкина В.М.* В голодный год с Львом Толстым. М.: Л., 1928. С.95, 96.

¹⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.66. С.146.

¹⁹ Там же. С.206.

²⁰ *Хилков Б.Д.* Мои воспоминания // *Личный архив Б.М. Хилкова*. С.25-26.

²¹ См.: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965. С.105-106.

²² Цит. по: *Пругавин А.С.* О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911. С. 206.

²³ См.: Там же. С.218.

²⁴ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.14.

²⁵ Цит. по: *Новиков В.И.* В.И. Ленин и деятельность искровских групп в России. М., 1978. С.107.

²⁶ *Хлысты* — религиозная секта в России. Название дано представителями ортодоксального православия. Сектанты этого направления сами себя называют последователями «веры Христовой». Секта христоверов возникла в последней трети XVII в. Основная догма христоверов (хлыстов) — вечное возрождение и перевоплощение Христа в человека во время совершения экстатического культа, соединенного с магическим обрядом (удары хлыста, прогоняющие якобы нечистых духов из тела человека).

²⁷ Цит. по: *Бонч-Бруевич В.Д.* [Предисл. к кн. «Дело павловских крестьян»] // Избр. соч. М., 1959. Т.1 С. 108.

²⁸ См. об этом: Штундист: К приговору по делу о павловских сектантах // *Искра*. 1902. 1 мая; *Ивановская П.* Дело Плеве: Из воспоминаний // *Апостолов Н.Н. Живой Толстой*. М., 1928. С.435.

- ²⁹ Старожил села Павловки П.Н. Щербак следующим образом объясняет презрение, которое испытывали местные жители к церкви: «Под строительство церкви в с. Павловки помещица С. Гурьянова-Иваницкая обещала подарить местному крестьянскому обществу землю при условии, что вновь построенный храм будет посвящен святым покровителям её родителей Федору и Глафире. Федор и Глафира Иваницкие были известны всей округе распутным поведением. Условие помещицы было принято. В интерьере новой церкви поместили иконы, изображающие святых — Федора и Глафиру, чьим ликам было придано портретное сходство с супругами Иваницкими. Прихожане новой церкви, глядя на эти иконы, смеялись, т.к. хорошо знали, как скверно супруги Иваницкие жили друг с другом» (из личного архива Б.М. Хилкова).
- ³⁰ См.: Искра. 1902. 1 мая.
- ³¹ См.: О работе среди сектантов // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч.2. С. 48.
- ³² См.: Как попы поработили народ именем Христа // Народные листки. Женева, 1901. № 9.
- ³³ См.: Революция и сектанты. Б.м., 1905.
- ³⁴ См.: О свободе и как она добывается // Народные листки. Женева, 1905.
- ³⁵ См.: Там же.
- ³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1972. Т.7. С.129—203.
- ³⁷ Об уличных беспорядках: Мысли военного // Народные листки. Женева, 1901. № 8; О свободе и как она добывается // Народные листки. Женева, 1905.
- ³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.11. С.339-343.
- ³⁹ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.73. С.170. Там же.
- ⁴⁰ Толстой Л.Н. Там же. Т.76. С.6, 7.
- ⁴¹ Хилков Б.Д. Мои воспоминания. С.29.
- ⁴² См. об этом: История СССР. М., 1968. Т.6. С.135.
- ⁴³ См. об этом: Величкина В.М. В голодный год с Львом Николаевичем Толстым. М.: Л., 1928. С.95, 96. [Е.Ф. Азеф (1869—1918) — один из лидеров партии социалистов-революционеров, провокатор, секретный сотрудник департамента полиции России с 1892 г. Возглавлял «боевую организацию» социалистов-революционеров с 1903 г. по 1908 г.]
- ⁴⁴ В.М. Чернов (1873—1952) — один из основателей партии социалистов-революционеров.
- ⁴⁵ Щербак П.Н. Воспоминания // Личный архив Б.М. Хилкова.
- ⁴⁶ См.: Плуг и молот. 1925. 20 дек.
- ⁴⁷ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.7.
- ⁴⁸ Хилков Б.Д. Мои воспоминания. С.62, 63.
- ⁴⁹ См.: Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.9.
- ⁵⁰ Андреев Л.Н. Драматические произведения. Л., 1989. Т.1. С.382, 383.
- ⁵¹ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.45.
- ⁵² Ориген. О началах. Самара. 1993. С.237.
- ⁵³ Там же. С.205.
- ⁵⁴ См.: Там же. С.309.
- ⁵⁵ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.26, 27.
- ⁵⁶ Там же. С.29, 30.
- ⁵⁷ См.: Там же. С.27.
- ⁵⁸ Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С.121.
- ⁵⁹ См.: Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.90.
- ⁶⁰ См.: Там же. С.103.
- ⁶¹ Толстой Л.Н. Царство божие внутри нас // Полн. собр. соч. М., 1957. Т.28. С.156.
- ⁶² Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.100.
- ⁶³ Там же. С.75.
- ⁶⁴ Там же. С.56.
- ⁶⁵ Там же. С.98.
- ⁶⁶ Там же. С.94.
- ⁶⁷ Там же. С.58.
- ⁶⁸ Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс. С.124.
- ⁶⁹ См.: Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918.
- ⁷⁰ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. С.78, 88, 99.
- ⁷¹ Там же. С.113.
- ⁷² Там же. С.122.
- ⁷³ Б.Д. Хилков — В.Д. Бонч-Бруевичу. Письмо от 10 дек. 1930 г. // Личный архив Б.М. Хилкова.
- ⁷⁴ Б.Д. Хилков — В.Д. Бонч-Бруевичу: Письмо. 10.12.1930 (из личного архива Б.М. Хилкова).